БѢГЛЯНКА.

Услужливый и толковый проводникъ по землѣ турецкой, привезъ меня къ ночлегу въ русскую деревню. Поразительно было встрѣтить тутъ всѣ обычаи и весь бытъ русскій, коренной, исконный, который даже не всегда и не вездѣ можно найдти въ Россіи. Изба и почти вся утварь русскія, только посуда частію мѣдная, луженая внутри и снаружи, а частію глиняная, превосходной выдѣлки и вида: не горшки, а античные кувшины, урны и вазы...

Хозяинъ мой былъ расторопный мужичина, который обрадовался русскому гостю, много разспрашивалъ и самъ разсказывалъ и увѣрялъ, между–прочимъ, будто онъ уже родился въ Турціи, тогда–какъ, глядя на эту кулебяку съ бородой, въ красной рубахѣ, по неволѣ казалось, что она вотъ только–что перенесена за Дунай изъ–подъ Москвы.

Другой землякъ вошелъ въ избу, перекрестился по–ихнему и позвалъ хозяина съ собой. Осталась хозяйка, молодая, очень–видная женщина, въ русскомъ платьѣ, которой голосу я дотолѣ еще не слышалъ. Когда хозяинъ ушелъ, я заговорилъ съ нею, спросивъ ее, куда его позвали. «Тамъ какой–то старикъ пріѣхалъ» отвѣчала она, «уставщикъ, такъ къ нему; они теперь тамъ всю ночь просидятъ.» По первому слову ея видно было, что синій сарафанъ носитъ она не съ дѣтства, и даже не слишкомъ–давно, промѣнявъ на него запаску или плахту. Я сказалъ ей смѣючись, что она изъ Новороссійскаго–Края и чуть–ли не Херсонской–Губерніи. Она тяжело вздохнула, какъ–будто не вывела вздоха, робко оглянулась кругомъ, хотя и знала, что тутъ никого болѣе нѣтъ, вдругъ зарыдала, упала мнѣ въ ноги и взмолилась: «паночку, возьмите меня съ собой... что хотите заставляйте дѣлать, я буду вѣковѣчная работница ваша, только возьмите меня отсюда!..»

Нѣсколько успокоивъ ее съ трудомъ, я сталъ ее разспрашивать и, благодаря продолжительному отсутствію хозяина, безъ труда узналъ всю жалкую и любопытную жизнь бѣдной Домахи, которую здѣсь перекрестили, не знаю по какимъ примѣтамъ и соображеніямъ, въ Улиту.

— Я точно херсонская, вотъ изъ такого–то мѣста, выросла въ деревнѣ, говорила она: — а пятнадцати лѣтъ взята была во дворъ. Барыня полюбила меня, и когда, года черезъ три, стали просить меня добрые люди за сыновей своихъ, то барыня отказала и тому и другому, сказавъ мнѣ, что для меня будетъ женихъ хорошій. Ну, воля барская, подумала я: хорошій такъ хорошій; а мнѣ еще лучше посидѣть въ дѣвкахъ, не надокучило. На селѣ у насъ былъ прикащикъ, изъ крестьянъ же, старикъ трезвый, хорошій и таки не безъ добра: всѣ знали, что у него, кромѣ полнаго хозяйства и двухъ плуговъ воловъ, есть еще и хорошія деньги. За него ли барыня меня прочила — не знаю; но только какъ

прошелъ Покровъ, да старосты пошли съ посошками по селу, такъ прикащикъ нашъ поклонился барынѣ въ ноги и сталъ просить меня за втораго сына, за Стецька. Барыня согласилась и стали меня готовить къ свадьбѣ.

«Стецько былъ человѣкъ хорошій, въ отца, а отецъ его богатъ, такъ мнѣ всѣ стали завидовать. Отца у меня не было, а мать плакала, радуясь моей долѣ. Глядя на людей, и я не тужила, и даже было–повѣрила имъ, что вотъ Богъ даетъ мнѣ счастье…

«Сказать правду, Стецько былъ человѣкъ хорошій и любилъ меня; безъ малаго годъ жили мы своимъ хозяйствомъ, какъ живутъ добрые люди. Хорошо мнѣ было тогда; и теперь, припоминая былое, не вѣрится, что было когда–то хорошо. Не въ волѣ счастье, а въ долѣ. Вдругъ, откуда ни взялся недобрый человѣкъ… Богъ ему судья… онъ и погубилъ насъ.

«Мужъ мой, бывало, трезвый, тихій, работящій, воротился въ одинъ вечеръ съ работы, какъ ровно самъ не свой, и всю

ночь прошатался либо въ шинкѣ, либо и сама не знаю гдѣ, а утромъ воротился и завалился спать; тамъ опять куда–то ушелъ, а ночью сказалъ мнѣ, что хочетъ на волю въ Туречину, гдѣ нѣтъ ни некрутчины, ни податей; гдѣ винограда, меда и молока вволю, и гдѣ наши, русскіе, живутъ какъ въ раю. Много онъ еще насказалъ мнѣ, что тамъ–де нѣтъ и работы, а всѣ лежебоки и всѣ отъ султана большое жалованье получаютъ, а земля такая, что все сама родитъ, а народу воля на всѣ четыре стороны, ступай куда хочешь. Я такъ и ахнула, заплакала–было, но онъ на меня прикрикнулъ, какъ еще со дня свадьбы нашей не случалось, и велѣлъ молчать, да собираться. Самъ онъ пробѣгалъ еще сутки двои, какъ бѣшеный, что и я въ немъ не могла узнать того человѣка, какимъ онъ былъ прежде; даже раза два страшно пригрозился на меня, когда я стала просить его, чтобъ остался, да забылъ бы Туречину, и стращалъ, что убьетъ меня, если я кому хоть слово скажу.

«У мужа своихъ денегъ было ста три; а какъ продавать все хозяйство ему нельзя было, чтобъ люди не догадались о недобромъ его замыслѣ, то онъ только продалъ потихоньку пару воловъ, да въ ту ночь, какъ уже совсѣмъ мы собрались, взялъ у отца двѣсти рублей, да покинулъ ему записку, повинился во всемъ, просилъ, чтобъ не искали его, что онъ–де ушелъ на вольную сторону, чтобъ отецъ не клепалъ за деньги на другихъ людей, а взялъ бы за эти деньги все наше хозяйство, и хлѣбъ, и скотинку. Тамъ просилъ онъ въ письмѣ и отцовскаго благословенія — да гдѣ ужь на такое дѣло благословить отцу! Охъ, не было тутъ его благословенія!» сказала она и сама залилась опять слезами.

«Вотъ, о полуночи, забравъ мѣшки съ хлѣбомъ, которые припасли мы на дорогу, помолились мы и пошли. Я не знала куда и зачѣмъ мы идемъ, и только путемъ объ этомъ услыхала отъ мужа... Давнишній бродяга — прости, Господи, мое согрѣшеніе! — который давно уже ушелъ изъ–подъ Москвы туда къ намъ, въ

херсонскую, а оттолѣ вотъ сюда, въ Туречину, пришелъ съ Дунаю на дубу, стоялъ въ Лиманѣ, въ камышахъ, и колобродилъ по шинкамъ и базарамъ, подбивая народъ идти съ нимъ въ Туречину. Онъ–то, вишь, подбилъ и мужа моего, царство ему небесное, и наговорилъ ему обманомъ про турецкую землю, что про рай земной. Не стерпѣла я, стала плакать еще разъ и просить мужа, чтобъ раздумалъ, да не вѣрилъ бы такому шатуну; такъ онъ, сердечный, инно меня ударилъ... ударилъ въ первые и въ послѣдніе, и Богъ ему это проститъ, и не для жалобъ говорю я объ этомъ, а къ тому только, батюшка, что тихій, смирный былъ онъ человѣкъ, никогда никого не обижалъ, а меня даже словомъ никогда не тронулъ; а тутъ вотъ, какъ попала дурь эта въ голову, такъ и самъ не свой, и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ...

«Шли мы во всю ночь, со свѣтомъ залегли въ камышахъ, пролежали опять до ночи, тамъ пошли и пришли до свѣта на это мѣсто, гдѣ, по примѣтамъ, долженъ былъ стоять за камышами дубъ; тутъ ломились

мы камышами по плавнѣ, часа три; изъ силъ выбились, такъ–что бросили–было и хлѣбъ; отдохнувъ, однако, пошли еще далѣе, по звѣздамъ, потому–что идешь по колѣни и по поясъ въ водѣ, а камыши лѣсомъ стоятъ, такъ–что свѣту Божьяго не видать; ну, вышли мы, наконецъ, на самый берегъ Лимана. Не услышалъ Богъ молитвы моей; а я молчу, говорить не смѣю ничего, только молюсь: Господи, умилосердись надъ нами, дай намъ Богъ заплутаться тутъ, чтобъ и до вѣку не найдти ни дубка, ни хозяина его, а пошатавшись бы воротиться опять домой... нѣтъ: какъ только стала заниматься заря, то увидали мы въ сторонѣ, подъ берегомъ, этотъ злыдарный дубъ...

«Хозяинъ принялъ насъ ласково, обрадовался намъ, поднесъ вина — и мужъ меня заставилъ выпить — «вотъ», сказалъ тотъ, «видишь ли, каково винцо? а и оно тамъ вольное, хоть самъ кури, хоть пей, хоть лей, хоть, пожалуй, шинкуй, ни на что нѣтъ запрету! А что», спросилъ онъ, когда поднесъ мужу, который, бывало, не пилъ вовсе, другой стаканъ: «а что, братъ, скажи

правду, собралъ деньжонокъ сколько–нибудь? Вѣдь безъ денегъ нигдѣ не живется, вездѣ плохо! Мужъ мой и похвались ему, что сотъ шесть будетъ, да и ударилъ себя рукой по груди, гдѣ лежали деньги въ сумочкѣ. Хозяинъ обрадовался, это–де хорошо; вотъ заживешь, говоритъ, такъ заживешь; тамъ на эти деньги и дворъ и землю купишь, и сады и огороды, и все, что твоей душѣ угодно... вотъ заживешь, такъ ужь будешь вѣкъ меня помнить... «Охъ!» продолжала она: «и точно, что заставилъ ты себя помнить, попутай и накажи тебя Богъ!.. Да нѣтъ, такіе, какъ ты, живутъ; а вотъ мужа моего сердечнаго ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

«На другую ночь, мы снялись съ якоря и вышли въ Лиманъ. Такихъ же, какъ мужъ мой, что сманили отъ господъ на волю, было еще три человѣка; вотъ, что вы у насъ работника видѣли, такъ это одинъ изъ нихъ — а молодица я одна только была: тѣ, кто холостой, а кто жену покинулъ, да ушелъ одинъ. На дубу было съ хозяиномъ также три человѣка. Ночь прошла

благополучно, а днемъ плыли мы недалеко; подошедши же подъ камыши, тамъ притаились. Вечеромъ опять снялись да пошли; и вѣтеръ и теченіе были попутные, такъ мы къ свѣту и вышли въ море. Насталъ опять вечеръ — и хозяинъ принялся поить гостей своихъ, будто радуясь, что благополучно ушли. Всѣ перепились и уснули. Я долго сидѣла и плакала, мужъ на меня разсердился и прогналъ меня; такъ я и свернулась и улеглась на другомъ концѣ дуба, на носу, а они спали въ кормѣ. Съ зарей я проснулась, поглядѣла туда — еще спятъ всѣ. Немного погодя, я опять поглядѣла — что-то больно жаль стало мнѣ мужа — тѣ проснулись: кто сидѣлъ, кто ходилъ, а Степана не видать. Сердце такъ во мнѣ и заныло, словно тѣсно ему стало; что такое, по чемъ и по комъ — и сама не знаю. Поглядѣла я еще, пошла въ корму, пересмотрѣла всѣхъ — нѣтъ моего муженька... я къ одному, къ другому — всѣ молчатъ... Господи, что такое сталось надъ нами грѣшными? проклятые, что они надъ

нимъ сдѣлали? За тѣмъ–то и спрашивали они, много ли–де у тебя денегъ... Упоивъ его, хозяинъ снялъ съ него кожаный карманъ, а самого и выкинулъ въ море... Господи, успокой грѣшную душу его, прости и помилуй его, хоть за мученическую смерть!..»

Она было–замолчала, залившись слезами, а немного погодя опять взмолилась, чтобъ я ее увезъ въ Россію. Я просилъ ее досказать, что же сталось потомъ съ прочими и въ–особенности съ нею самою. «Да что жь!» сказала он, подгорюнясь: «богатаго–то мужика сманивъ обобрали, да утопили, а бѣдныхъ взяли въ кабалу: насчитали на нихъ за хлѣбъ, за провозъ, да просятъ еще деньги, за то–де, что увезли на волю, да въ вѣковѣчные работники и взяли ихъ; вотъ тебѣ и воля. А имъ, бѣднымъ, тутъ куда дѣваться? Все одна шайка, эти старые бродяги, всѣ за одного стоятъ, пожалуй, еще убьютъ, не что возьмешь.»

— Ну, а ты же, какъ живешь?

— Да какъ, батюшка, сказала она и опустила голову, будто не смѣла глядѣть на меня прямо и тяжело вздохнула: — извѣстно, наше дѣло сиротское, такъ вотъ и живу.

— Да у кого же ты живешь?

— У хозяина.

— У какого хозяина?

— Да у того самого, что мужа–то сгубилъ, батюшка, что приходилъ за нами на дубу въ Лиманъ; это онъ самый и есть... (Она робко оглянулась и снова залилась слезами.) Горькая участь моя, баринушка! и утопиться–то не дали мнѣ, когда я хотѣла–было кинуться въ море, туда же, гдѣ безбожники утопили бѣднаго Степана; хозяинъ сперва обманывалъ меня, сталъ божиться, что мужъ мой пересѣлъ ночью на другой встрѣчный дубъ, и что мы его уже застанемъ здѣсь. Когда прибыли мы сюда, такъ стали утѣшать меня, что мужъ мой скоро будетъ, а послѣ сказали, что онъ пьяный утопился. Да нѣтъ, не вѣрила я имъ съ самаго начала: чуяло сердце мое, что они надъ нимъ сдѣлали. Разъ, одинъ

работникъ нашъ, какъ хозяина не было дома, сталъ тосковать да каяться, что зачѣмъ послушался недобраго человѣка, да ушелъ сюда — и сталъ–было онъ меня подговаривать бѣжать съ нимъ, да и признался мнѣ, что хоть и былъ самъ въ то время хмѣленъ, а видѣлъ и помнитъ, что Степана обобрали и утопили.

— А ты какъ же тутъ живешь? продолжалъ я допытываться: — тоже работницей, или какъ?

— Да, отвѣчала она, будто нехотя: — и работаю, что въ домѣ нужно, извѣстно, по хозяйству... только–что грѣха много на душу приняла... Неволя, баринушка; сами знаете, нашей сестрѣ одной куда дѣваться, когда своей воли нѣтъ!.. И зарыдала снова, и опять стала проситься со мной. — Онъ держитъ меня замѣстъ хозяйки, продолжала она, успокоившись немного: — и что я перенесла побоевъ, когда не соглашалась на волю его, такъ ужь я и не знаю, какъ жива осталась...

Тутъ хозяинъ воротился, вошелъ спокойно въ избу, а Домаха,

отворотившись, занялась хозяйствомъ и скрыла тревожное свое положеніе. Хозяинъ подсѣлъ ко мнѣ ласково и весело, сталъ бесѣдовать и разспрашивать о всякой всячинѣ и выпроводилъ меня утромъ съ поклонами и пожеланіями, помянувъ нѣсколько разъ Бога, безъ котораго, по его словамъ, ни до порога, и отъ котораго онъ желалъ мнѣ и самъ себѣ ждалъ, коли Его святая воля будетъ, всякаго благополучія...